

В. П. ГРИГОРЬЕВ

ОТ ТЕКСТА К ЯЗЫКУ И СНОВА К ТЕКСТУ

Пolemические заметки Л. И. Тимофеева *, вызванные как будто частным фактом — публикацией стиховедческого обзора В. Баевского и П. Руднева, на деле обращены к значительно более широкому кругу проблем современной филологии. Независимо от непосредственного повода к их написанию, заметки эти показательны как свидетельство сохраняющихся разноречий в области теории словесного искусства и методов его исследования. И мы должны быть благодарны автору заметок за попытку сформулировать некоторые общие положения, отличающие позиции одной части филологов от другой.

Л. И. Тимофеев не отрицает необходимости рассматривать стих и как некоторый язык, ему «вполне понятно стремление расширить границы стиховедения, найти пути его развития» (с. 179). Но он противопоставляет такому рассмотрению «основную формообразующую функцию» стиха, реализуемую лишь в составе конкретного произведения. Поэтому пафос известной терпимости в заключительных абзацах заметок существенно подрывается всем ходом рассуждения, основанного на двусмысленном тезисе о том, что «стих сам по себе не существует», — тезисе, начинающем заметки.

Что реально означает этот тезис и насколько он противоречит «не отрицанию» понятия стихотворного языка (и шире — поэтического, художественного языка), видно из того, что Л. И. Тимофеев все свое внимание сосредоточивает на полемике со «сторонниками статистического изучения текста» (с. 178). По его убеждению, «статистические подсчеты настолько формализуют и нивелируют реальное звучание стиха, что могут охарактеризовать... в основном только стихообразующие особенности языка» (там же). Это «только» многого стоит. Невольно задаешься вопросом, что же имеет в виду Л. И. Тимофеев, заявляя, что «стихотворный язык — прежде всего язык!» (с. 174). Существует ли он «сам по себе», независимо от данного стихотворного текста, конкретного художественного произведения? Если существует, то полемика Л. И. Тимофеева во многом теряет свою направленность, а на первый план выступают некоторые конструктивные, хотя и не новые соображения автора (скажем, о необходимости изучать сам процесс создания художественного произведения — с. 178, 179). Если не существует, то непонятными становятся и «пафос терпимости» и ряд цитированных формулировок. Дело, по-видимому, в том, что еще не вполне освоены дистинкция понятий «язык» и «речь» и их неизбежная взаимная дополняемость.

Между тем невозможно не упомянуть, в связи с заметками Л. И. Тимофеева, о большом (на мой взгляд — выдающемся) событии, которым наша филология обязана как раз последовательно проведенному литературоведом подходу к стиху как к языку и, пользуясь выражением (но не полупейоративной интонацией) автора заметок, «с явной тенденцией к стати-

* См. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1976, № 2, с. 173—179.